

Московский комсомолец, 21 нояб. 1971г.

ПОЕДИНОК

О. МИЛЯВСКИЙ один из 87 конференсье
Московской эстрады

Зрителя прежде всего интересует, кто в концерте участвует.

Когда я выхожу на сцену, меня прежде всего волнует, кто сидит в зале.

Зрители всегда обращают внимание на то, как одет артист, как он выглядит.

Мне тоже важно, как одеты зрители. Если на девушках нарядные платья и они красиво причесаны, если юноши особенно элегантны, — значит, они пришли на концерт как на праздник. И это уже задает тон концерту.

Зрители придирчиво всматриваются в исполнение каждого номера. Не менее придирчиво я вслушиваюсь в их реакцию. Отличат ли они подделку от настоящего искусства?

Я знаю, чего они ждут от нас. От певцов — самых последних песен. От меня — самых актуальных тем. А я жду от них актуального понимания каждой репризы. Остроумная реприза предполлагает остроумного зрителя. И вот тут мы уже не на равных: зрителей нельзя проверить на остроумие и отобрать до начала концерта — кому отдать лучшие места, а кого оставить в буфете.

Иной зритель, купив билет на концерт, начинает смеяться прямо у кассы. Подчас он аплодирует и смеется, где надо и где не надо. Иной к эстраде относится не всегда с доверием. И я своим выступлением должен убедить, что его ждет настоящее искусство. И если это действительно так — приходят и любовь, и взаимопонимание, и доверие. Но зритель требователен: на пятой фразе он уже понимает, с кем имеет дело, и не стерпит ни фальши, ни

сюсюканья, заигрывания с собой.

Мое спокойствие на сцене кажущееся. Я всегда жду от зрителей неожиданностей, как ни странно, люблю эти неожиданности — и всегда волнуюсь. Не бывает одинаковых концертов; программы могут повторяться, концерты — никогда. И прежде всего потому, что не бывает одинаковых зрителей.

Я мог бы разделить их — весьма приблизительно — на три категории: недоверчивых, восторженных и равнодушных. Последние — самые неприятные, самые тяжелые. Наша задача — сделать недоверчивых восторженными, восторженным внушить немного критцизма, научить их отличать подлинное от подделки и «разбудить» равнодушных. Между прочим, артистов тоже можно разделить на эти три категории по отношению к зрителю: одни верят в публику, другие ей не доверяют, третьим она глубоко безразлична — кажется, они с таким же успехом могли бы выступать, закрыв глаза. И опять мы на равных, мы воспитываем друг друга.

Эстрадный зритель сильно отличается всем этим от зрителя театрального. К театру отношение, пожалуй, более почтительное, человек начинает сам себя уважать уж от одного факта, что он идет в театр. К нам на концерт могут прийти и просто «за компанию», и отношение к нашему искусству порой бывает более снисходительное. Хотелось бы, чтоб было не так. Чтобы шли к нам не за развлечением, а как на радостный праздник, чтоб были к нам требовательны так же, а может, и больше, чем к

театральному спектаклю: у нас ведь каждый артист поневоле «премьер»: остается один на один с залом.

Больше всего я люблю молодежную аудиторию. Она реагирует остро и оперативно, она не прощает демагогии, фальши, абстрактных, беспочвенных мечтаний, она в высшей степени чутка на точный комментарий тех или иных жизненных явлений. Она любит, чтобы с ней были предельно откровенны, — тогда и она ответит той же откровенностью. Там, где вежливая публика Дома ученых промолчит, молодежь не стерпит. Я считаю, что выступление, например, перед студентами МГУ требует самого высокого класса, профессионализма, вдохновения. Не каждый сможет там выступать.

Зритель может озадачить. Например, когда в записке, поданной мне, просят Галину Олейниченко после арии мадам Баттерфляй исполнить «Клен ты мой опавший». Может, сам того не желая, обидеть. Например, он уверен, что любого артиста, которого представляет конференсье, надо встречать и провожать аплодисментами, а самого конференсье рассматривают как «сферу обслуживания».

Мы не можем существовать без зрителя. К счастью, мы все больше убеждаемся, что и зритель не может жить без нас. Мы — участники всех торжеств: и страны, и учреждения, и «частных лиц». Эстрада пришла в каждый дом через экраны телевизоров, радио, пластинки и магнитофонные записи. Мы встречаемся со зрителями каждый день, и пусть так будет всегда.

Зрительское Моее. Коллежники 1944, XI/XI

ПОЕДИНОК

О. МИЛЯВСКИЙ один из 87 конференсье
Московской эстрады

Зрителя прежде всего интересует, кто в концерте участвует.

Когда я выхожу на сцену, меня прежде всего волнует, кто сидит в зале.

Зрители всегда обращают внимание на то, как одет артист, как он выглядит.

Мне тоже важно, как одеты зрители. Если на девушках нарядные платья и они красиво причесаны, если юности особенно элегантны, — значит, они пришли на концерт как на праздник. И это уже задает тон концерту.

Зрители придирчиво всматриваются в исполнение каждого номера. Не менее придирчиво я вслушиваюсь в их реакцию. Отличат ли они подделку от настоящего искусства?

Я знаю, чего они ждут от нас. От певцов — самых последних песен. От меня — самых актуальных тем. А я жду от них актуального понимания каждой репризы. Остроумная реприза предполагает остроумного зрителя. И вот тут мы уже не на равных: зрителей нельзя проверить на остроумие и отобрать до начала концерта — кому отдать лучшие места, а кого оставить в буфете.

Иной зритель, купив билет на концерт, начинает смеяться прямо у кассы. Подчас он аплодирует и смеется, где надо и где не надо. Иной к эстраде относится не всегда с доверием. И я своим выступлением должен убедить, что его ждет настоящее искусство. И если это действительно так — приходят и любовь, и взаимопонимание, и доверие. Но зритель требователен: на пятой фразе он уже понимает, с кем имеет дело, и не стерпит ни фальши, ни

сюсюканья, заигрывания с собой.

Мое спокойствие на сцене кажущееся. Я всегда жду от зрителей неожиданностей, как ни странно, люблю эти неожиданности — и всегда волнуюсь. Не бывает одинаковых концертов; программы могут повторяться, концерты — никогда. И прежде всего потому, что не бывает одинаковых зрителей.

Я мог бы разделить их — весьма приблизительно — на три категории: недоверчивых, восторженных и равнодушных. Последние — самые неприятные, самые тяжелые. Наша задача — сделать недоверчивых восторженными, восторженным внушить немного критцизма, научить их отличать подлинное от подделки и «разбудить» равнодушных. Между прочим, артистов тоже можно разделить на эти три категории по отношению к зрителю: одни верят в публику, другие ей не доверяют, третьим она глубоко безразлична — кажется, они с таким же успехом могли бы выступать, закрыв глаза. И опять мы на равных, мы воспитываем друг друга.

Эстрадный зритель сильно отличается всем этим от зрителя театрального. К театру отношение, пожалуй, более почтительное, человек начинает сам себя уважать уж от одного факта, что он идет в театр. К нам на концерт могут прийти и просто «за компанию», и отношение к нашему искусству порой бывает более снисходительное. Хотелось бы, чтоб было не так. Чтобы шли к нам не за развлечением, а как на радостный праздник, чтоб были к нам требовательны так же, а может, и больше, чем к

театральному спектаклю: у нас ведь каждый артист поневоле «премьер»: остается один на один с залом.

Больше всего я люблю молодежную аудиторию. Она реагирует остро и оперативно, она не прощает демагогии, фальши, абстрактных, беспочвенных мечтаний, она в высшей степени чутка на точный комментарий тех или иных жизненных явлений. Она любит, чтобы с ней были предельно откровенны, — тогда и она ответит той же откровенностью. Там, где вежливая публика Дома ученых промолчит, молодежь не стерпит. Я считаю, что выступление, например, перед студентами МГУ требует самого высокого класса, профессионализма, вдохновения. Не каждый сможет там выступать.

Зритель может озадачить. Например, когда в записке, поданной мне, просят Галину Олейниченко после арии мадам Баттерфляй исполнить «Юлеты мой опавший». Может, сам того не желая, обидеть. Например, он уверен, что любого артиста, которого представляет конференсье, надо встречать и провожать аплодисментами, а самого конференсье рассматривают как «сферу обслуживания».

Мы не можем существовать без зрителя. К счастью, мы все больше убеждаемся, что и зритель не может жить без нас. Мы — участники всех торжеств: и страны, и учреждения, и «частных лиц». Эстрада пришла в каждый дом через экраны телевизоров, радио, пластинки и магнитофонные записи. Мы встречаемся со зрителями каждый день, и пусть так будет всегда.